

УДК 94(57)

«МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ» КАК ПАРАМЕТР АНАЛИЗА ОБРАЗОВ АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА, СОЗДАНЫХ УЧЕНЫМИ И ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ В XIX В.

Татьяна Н. Соболева^{1, @1, *}, Алексей Е. Кухаренко^{1, @2, *}

¹ Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

@1 tansoboleva@mail.ru

@2 lexx-1984@mail.ru

Поступила в редакцию 31.08.2016.

Принята к печати 13.10.2016.

Ключевые слова: историко-географические образы, Семенов-Тянь-Шанский П. П., Брем А., Небольсин П. И., Алтайский округ, история Алтая.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-22005.

Аннотация: Авторы статьи ставят своей задачей создание рабочей методики анализа историко-географических образов определенной территории на примере представлений ученых и путешественников об Алтае. Она включает такой обязательный параметр, как «местоположение человека в общественной системе». Под этим термином понимается вся совокупность большого количества разнообразных факторов, связанных непосредственно с личностью создателя источника и его положением в обществе. Для иллюстрации данного параметра в статье анализируются впечатления об Алтае различных путешественников и ученых с акцентом на положительные отзывы о горнозаводском районе и его администрации. При этом констатируется, что в отношении территории Алтая в конце XIX – начале XX вв. наибольшей известностью пользовались негативные характеристики местных порядков и деятельности кабинетских чиновников, что до сих пор отрицательно сказывается на объективности даже современных научных исследований. Авторы делают вывод о необходимости принимать во внимание разные историко-географические образы, анализировать местоположение их создателей в общественной системе и не давать образам замещать научное исследование.

Для цитирования: Соболева Т. Н., Кухаренко А. Е. «Местоположение в общественной системе» как параметр анализа образов Алтайского горного округа, созданных учеными и путешественниками в XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 94 – 98. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-94-98.

Пространственно-географические параметры общественного развития на определенной местности являются важнейшим элементом комплексного исторического изучения территории. Для его успешного проведения потребуется не только проанализировать представления людей о пространстве и географии, в которых они находились, рассмотреть процессы в их исторической динамике, но и выявить влияние сложившихся историко-географических образов на дальнейшее развертывание общественных событий и на взаимодействие природы и человека.

Одним из аспектов предлагаемого исследовательского направления является изучение историко-географических образов Алтая, которые сложились у ученых и путешественников, посещавших горный округ в XIX в. Речь идет о их личностных представлениях, взглядах, впечатлениях, мыслях, терминах, смысловых конструкциях в отношении исторического развития и взаимодействия природно-географических явлений, объектов и условий с жизнедеятельностью человеческого общества, процессов управления и организации пространства на определенной территории. Доступность текстовой информации в виде нарративных источников, высокая степень формализованности созданных в них историко-географических образов стимулирует желание разобраться в данной проблеме.

Однако для успешной реализации этого направления необходимо решение более общей задачи по разработке рабочей методики изучения историко-географических образов и их использования в комплексных исторических исследованиях. На наш взгляд, анализ историко-географических образов следует начинать исходя из важнейшего критерия положения субъекта в пространстве и его маршрута по территории, который позволял ему познакомиться с географией и природными условиями пространства. Положение и движение субъекта по территории определяет не только географические впечатления, но и представления, которые человек получал от встреченных или сопровождавших его людей, от увиденной инфраструктуры и другого антропогенного воздействия на пространство. Таким образом, важно реконструировать не только маршрут субъекта, но и сопутствующие ему факторы. Условно данный параметр анализа можно назвать «местоположение и движение субъекта в пространстве».

Другой важнейший параметр, который также можно отнести к «местоположению» и определить, как «местоположение в общественной системе», достаточно редко привлекает к себе внимание исследователей. Дело в том, что образы пространства чаще всего неразрывно связаны с комплексом масштабных проявлений человеческой деятельности на определенной территории, а также с па-

параметрами самой личности. Тем более, что речь идет именно об историко-географических образах. По той же самой причине на восприятие человеком территории, чьи представления о ней мы пытаемся анализировать и осмысливать, оказывает воздействие огромное количество факторов, связанных непосредственно с его личностью и с его положением в обществе.

Составить даже примерный перечень таких факторов не представляется возможным по двум причинам. Во-первых, мы не можем описать всю совокупность личностного и общественного многообразия, а также реконструировать их взаимодействие, так как это увело бы нас в бесконечность. Во-вторых, нам приходится иметь дело с формальными источниками и ограниченными данными о субъекте, оставшимися после него, иначе говоря, мы связаны формой, в которой нам передано содержание историко-географических образов. На него могут влиять политические и другие взгляды субъекта, его мировоззренческие установки, взаимоотношения с обществом, властью, определенными организациями или группами, социальная и сословная роль личности в обществе, степень ее доступа к определенной информации, неприятные или позитивные события в жизни, экономическое положение и деловые задачи, ситуативные моменты взаимодействия с властью или населением, болезни, отклонения, проблемы или какие-то другие ограничения.

Из этого, мы предлагаем на данный момент ограничиться использованием общего параметра выявления и анализа историко-географических образов, обобщив возможные факторы их взаимодействия, вытекающие из фактического потенциала привлеченных нарративных источников, под следующей формулировкой – «местоположение субъекта в общественной системе». В данной статье мы постараемся кратко проиллюстрировать использование этого параметра для анализа образов Алтая, созданных учеными и путешественниками в XIX в.

В историографии по истории региона широкое распространение получили негативные отзывы об округе и алтайской администрации как наиболее коррумпированной части российского чиновничества. Основным источником таких оценок являлись общественные деятели с либеральными и демократическими взглядами, а также сибирская пресса, «под прицелом» которой с 70 – 80-х гг. XIX в. оказалось горнозаводское хозяйство Алтая. При этом понятны истоки такого повышенного внимания к деятельности кабинетской бюрократии – самодержавная власть монарха, от имени которого Алтайским горным округом управлял Кабинет и подчиненный ему местный административно-хозяйственный аппарат.

Ключевыми аспектами критики обычно становились коррупция, злоупотребление властью по отношению к населению, обогащение чиновников, несправедливые порядки и общая неспособность администрации обеспечить процветание региона. В начале XX в. контекст негативных оценок приобрел новую направленность на несправедливое землеустройство, достаточно жесткое отстаивание Кабинетом своих интересов в вопросах земле- и лесопользования, организации земельно-арендных отношений.

Сложившаяся устойчивая традиция критического отношения определенной части российского образованного общества к описанию процессов, которые характеризова-

ли внутреннее состояние окружного хозяйства, благосостояние жителей региона на протяжении второй половины XIX – начала XX в., и особенно к тем, кто руководил горно-металлургической промышленностью Алтая, а затем инициировал перемены по диверсификации экономики кабинетского территориально-производственного комплекса, успешно перекочевала сначала в советскую, а затем и в современную историографию. При этом можно отметить односторонность и ангажированность критики, абстрактность и масштабное экстраполирование выводов, преобладание оценочных суждений над фактами, игнорирование контекста и даже обстоятельных опровержений «другой» стороной огульных обвинений в свой адрес. Перечисленные черты, к сожалению, свойственны не только современникам событий, чей полемический задор вполне понятен, но и исследователям разных поколений.

Это не означает, что мы отрицаем злоупотребления алтайской бюрократии, довольно значительный, но вряд ли «беспрецедентный» масштаб их, повседневность данного явления, особенно в период спада и кризиса горно-металлургического производства в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. и признаем, что истоки бюрократических пороков в окружной системе управления следует отнести к периоду господства подневольного труда в регионе. Однако это лишь один из штрихов к портрету алтайской элиты, а не ее цельный образ [7]. При воссоздании полной и исчерпывающей картины как самого края, так и характеристики тех, кто управлял им, недостаточно опираться только на критические материалы, отложившиеся в делопроизводственных источниках и прессе. Такой подход не приближает нас к задачам научного исследования, искажает существовавшую в то время реальность и формирует тенденциозные историко-географические образы, которые оказываются очень устойчивыми и востребованными даже на современном научном уровне [2]. Указанная тенденция подтверждает необходимость изучения историко-географических образов, их существование в обществе и обязательный учет при проведении исторических исследований «местоположения человека в общественной системе».

Не претендуя на решение глобальной задачи в одной статье, считаем целесообразным уделить внимание мотивам и обстоятельствам, которые способствовали созданию учеными и путешественниками XIX в. прямо противоположных образов региона и его управленческого персонала.

Общеизвестны сравнительные оценочные суждения 40-х гг. XIX в. историка, этнографа, журналиста Павла Ивановича Небольсина или выдающегося географа, статистика, государственного и общественного деятеля Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского о Барнауле в сопоставлении с Тобольском, Томском, Омском. Первый отнес Томск и Тобольск к настоящим сибирским городам, в то время как Барнаул в его представлении был «чистым уголком Петербурга», похожим «на заграничный европейский городок» [5, с. 226]. Второй «прозвал его сибирскими Афинами», считая «самым культурным уголком Сибири», особенно на фоне Омска, который по грубости и воинственности нравов сравнил со Спартой [6, с. 56 – 57]. Не менее интересна довольно высокая оценка Барнаула как центра духовной жизни всего За-

падносибирского генерал-губернаторства, которой удостоил уездный город в 1876 г. немецкий зоолог Альфред Брем [1, с. 103].

Путешественников поражал не столько внешний облик горнозаводских центров, сколько местная элита, ее образовательный уровень; вовлеченность в масштабное промышленное производство; образ жизни; организацию досуга; наличие культурных заведений в виде библиотеки, музея, минералогического кабинета, ботанического сада, обсерватории и пр.; тесная связь с Петербургом, проявлявшаяся в различных мелочах: модном убранстве домов, нарядах дам, разнообразных и экзотических блюдах, подававшихся на обедах и ужинах, новинках литературы, развлечениях и т. п.

Положительные отзывы имели под собой и другое немаловажное, но не доминирующее основание. Радужный прием вновь прибывших, стремление всячески способствовать выполнению их научных замыслов, обеспечивать им комфортное проживание и времяпровождение, которое могло контрастировать с тем, что они наблюдали и с чем сталкивались в других сибирских городах. В Барнауле ученые и путешественники встречали образованное общество, которое разделяло их увлечения, было способно участвовать в обсуждении серьезных научных проблем и в случае необходимости содействовать реализации намеченных исследований. Это обстоятельство, на наш взгляд, было одним из важных факторов смягчения или даже отсутствия в их трудах критического настроения.

Однако, если какая-то особенность внутренней жизни округа привлекала внимание ученого, он, как правило, не стеснялся указывать на нее. Например П. П. Семенов-Тянь-Шанский в своих мемуарах не удержался от утверждения, «что все это интеллигентное и культурное общество ... жило выше средств, доставляемых ему крайне скудным казенным жалованьем», и отметил способ «самовознаграждения», получаемого «самовольно с крепостного населения Алтайского горного округа» [6, с. 126]. При этом он посчитал нужным отделить данный способ от грубой формы обогащения чиновников, «распространенной в русских провинциальных захолустьях», и подчеркнуть его необременительность для алтайских крестьян, «которые пользовались благосостоянием и не жаловались на притеснения горной администрации» [6, с. 126].

О роскошной жизни местной элиты в своих дневниках упоминал А. Брем, но как о прошедших временах, когда горное дело находилось в расцвете [1, с. 106]. Ссылаясь на рассказы, которые якобы ходили в других городах Сибири о сверхвысоких доходах горнозаводской бюрократии, он тем самым снимал с себя ответственность за достоверность приводимых им сведений. Тем не менее он взял под сомнение якобы существовавшую по слухам у горных чиновников привычку посылать «свое белье стирать в Париж», а вот заказывать в столице Франции и в Петербурге многие предметы, «чтобы жить со всеми удобствами», признал настоящей потребностью. Причем объяснил сложившуюся традицию не какими-то сверхдоходами и барскими замашками, а, исходя уже из своих наблюдений. По его мнению, к этому подталкивали отсутствие на месте искусных мастеров, дороговизна изготовления изделий в округе и необходимость забо-

титься о сохранности вещей [1, с. 106]. В такой оценке присутствует не только констатация реального состояния сферы услуг, но и желание иностранца подчеркнуть ее низкий уровень в российской провинции, с которым экспедиция постоянно сталкивалась во время путешествия. Некоторое превосходство сквозит в описании А. Бремом внутренней обстановки домашних апартаментов верхнего слоя горной администрации, где эпитет «роскошная» он адресует в первую очередь обилию прекрасных листоватых растений в комнатах и одновременно указывает на отсутствие уюта, наличие «неважных и даже просто плохих картин», на однообразие интерьеров, обилие разномастных стульев и столов, предназначенных «для собраний и вечеринок, когда собираются прежде всего для карточной игры, поскольку все столы здесь – игорные» [1, с. 108].

Примечательна еще одна черта, свойственная дневникам А. Брема. Как иностранец, не знавший русского языка, он в основном получал информацию от тех, кто владел немецким языком: горных инженеров, имевших определенную языковую подготовку, полученную в вузе, но прежде всего обрусевших немцев, служивших на различных должностях в округе. Эти люди явно пытались снять с себя ответственность за производственные просчеты и злоупотребления, переводя стрелки на Кабинет, примером чего может служить интерпретация причин закрытия Змеиногорского рудника [1, с. 98 – 99]. Во многом такая тактика увенчалась успехом, поскольку А. Брем разделил консолидированное мнение алтайской администрации о вине Кабинета в неудовлетворительном состоянии горно-металлургической промышленности из-за его противодействия всем нововведениям, недофинансирования производства, незнания местных проблем [1, с. 113].

Большое влияние на путешественников оказывала профессиональная направленность их интересов и деятельности. Например Карл Фридрих Ледебур, Александр Андреевич Бунге, Карл Антонович Мейер, участвовавшие в ботанической экспедиции 1826 г., или минералог и геолог Григорий Ефимович Щуровский, совершивший восьмимесячное путешествие по Алтаю в 1844 г., были явно поглощены решением стоявших перед ними научных задач и в меньшей степени отвлекались на описание сопутствующих впечатлений. Тем не менее они создали в своих сочинениях привлекательный образ местного горнозаводского офицерства [3, с. 153 – 155; 8, с. 164]. К. Ф. Ледебур, вероятно, удивленный материальным достатком и даже роскошью, с какой жила местная административная элита, выяснил и раскрыл законные источники ее благосостояния за счет дешевизны продуктов питания, доступности колониальных товаров и целого ряда льгот и преимуществ, которые давала служба [3, с. 153 – 154].

Стоит отметить свойственное многим представителям естественных наук отсутствие в их трудах каких-либо личных оценок наблюдаемых явлений или объектов промышленного производства, стремление к точной и буквальной передаче увиденного. В центре их внимания находились природные богатства Алтая, география и история формирования данной территории, уникальные экспонаты.

Иначе смотрятся дневник А. Брема и «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» П. И. Небольсина, написан-

ные им по итогам своего частного путешествия и опубликованные отдельной книгой в 1850 г. [4] А. Брем, будучи зоологом, на удивление много писал об удручающем положении окружного хозяйства, причинах, мешавших его развитию, и процветанию Барнаула, ответственности Кабинета за социально-экономическую ситуацию в округе; наличии перспектив развития для этой благодатной территории Сибири, если не произойдет упадок горного дела. Остается открытым важный вопрос, почему вместо выполнения своей научной программы он сделал акцент на изучении далеких ему проблем? Более того, проявил в этом направлении повышенную любознательность, собрал за короткое время пребывания в округе значительный объем разнообразных сведений, в том числе по истории региона, проанализировал их, активно участвовал в коммуникативном взаимодействии не только с горными чиновниками, но и с барнаульским исправником, являвшимся представителем гражданской власти. Учитывая, что публикация его дневника на русском языке не предусматривалась, сам он хранился в немецком архиве, то возможно предположить выполнение А. Бремом заказа, который мог исходить от кампании немецких и русских купцов, финансировавших поездку ученого, или от каких-то других заинтересованных лиц.

Путевые заметки П. И. Небольсина, напротив, отражали его пристрастие к истории и журналистике. В них присутствуют не только личностные наблюдения, но и очерк истории округа; положение его основных категорий населения; действовавшая система управления окружным хозяйством, восстановленная им преимущественно на основе законодательства. Автор заметок отдал дань журналистике, попытавшись через свои впечатления убедить читателя в процветании региона и благосостоянии его жителей. Он приложил максимальные усилия, чтобы реализовать намерение опровергнуть распространенную в России «ложную мысль, что в сибирских рудниках живут не люди, а несчастные мученики, вечные страдальцы, которые всю жизнь свою проводят в недрах земли, никогда не видят Света Божьего и изнуряются тяжкими трудами» [4, с. 110]. В результате избранного ориентира на опровержение якобы устоявшихся неверных стереотипов в общественном сознании, мировоззренческой близости П. И. Небольсина к людям, состав-

лявшим горнозаводскую элиту Алтая, родилось произведение, где личные наблюдения, достоверная информация причудливо соединились с авторской их интерпретацией, придав путевым заметкам неизбежную двойственность.

На примере П. И. Небольсина хорошо видна определяющая роль в восприятии и оценке административных и социальных реалий мировоззрения ученого, особенно если его интересы были связаны с исследованиями в гуманитарной сфере и с журналистикой. «Заметки» П. И. Небольсина демонстрируют еще одну важную черту трудов ученых и путешественников, когда они распространяли личные впечатления, полученные ими от посещения какой-то части окружной территории, на регион в целом, делая на этом основании сомнительные выводы.

Таким образом, созданный учеными и путешественниками положительный образ алтайского региона, во-первых, – результат восприятия ими окружавшей действительности, сравнительного анализа различных регионов Сибири и позитивного отношения к тем людям, которые во многом способствовали реализации их исследовательских и иных планов; во-вторых, ориентации на конкретную, достаточно узкую область своего исследования; в-третьих, идейных установок, которыми они руководствовались, если желали высказать то или иное личное мнение о наблюдаемых явлениях; в-четвертых, следствие их комплексного «местоположения в общественной системе», определенных «настроек» восприятия, а также поставленных целей.

Следует признать, что характер и направленность впечатлений напрямую могут зависеть от совокупности параметров, которые мы относим к местоположению человека в общественной системе, точно также как нам приходится исходить из возможности определения этих параметров, не задавая их заранее. Данный критерий должен войти в методику работы с историко-географическими образами, так как его отсутствие и желание научно работать с таким хрупким объектом, как представления людей о пространстве приводят к исследованиям, которые искажают историческую картину, а также являются примером воспроизводства историко-географических образов, но никак не научных данных.

Литература

1. Брем А. Путешествие по Алтаю (Отрывки из дневника) / пер. Л. В. Малиновского // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 97 – 127.
2. Должиков В. А. Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском «кабинетском» хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1(88). С. 104 – 108.
3. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / пер. с нем. В. В. Завалишина, Ю. П. Бубенкова. Новосибирск: Наука, 1993. 415 с.
4. Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850.
5. Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. С. 209 – 226.
6. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. М., 1946. Т. 2.
7. Соболева Т. Н., Осипова М. А. Алтайская бюрократия 60-х – начала 80-х гг. XIX в. (Негативные штрихи к портрету кабинетской горнозаводской администрации) // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в.: сб. науч. статей. Барнаул, 2003. С. 109 – 137.
8. Щуровский Г. Ф. Геологическое путешествие по Алтаю // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. С. 164 – 206.

"LOCATION IN THE SOCIAL STRUCTURE" AS A PARAMETER FOR IMAGE ANALYSIS OF THE ALTAI MINING DISTRICT CREATED BY SCIENTISTS AND TRAVELERS IN THE XIX CENTURY

Tatiana N. Soboleva^{1, @1, *}, Aleks E. Kukharenskiy^{1, @2, *}

¹ Altai national history ASU, 61, Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049

@1 tansoboleva@mail.ru

@2 lexx-1984@mail.ru

Received 31.08.2016.

Accepted 23.10.2016.

Keywords: historical and geographical images, Semenov-Tyan-Shanskiy P. P., Brehm A., Nebolsin P. I., Altai district, the history of Altai.

* The paper was written within the framework of the scientific project supported by Russian Humanitarian Science Foundation grant № 15-11-22005.

Abstract: The authors see their task in creating an analytical procedure for historical and geographic images connected with a certain area. The concepts of Altai shaped by scientists and explorers serve as an example. One of the parameters required by such a procedure is "the location of the person in the social structure." This term refers to a large variety of factors related directly to the personality of the author of the source and his position in the society. To illustrate this option, the article analyzes the experience of numerous Altai travelers and scientists, with emphasis on positive reviews of mining and metallurgical area and its administration. It was found out that most characteristics of local orders and Cabinet officials in the end of the XIXth – beginning of the XXth century were negative, which still affects the objectivity of modern scientific research. The authors conclude that it is necessary to take into account different historical and geographical images, analyze the place of their creators in the social structure and not to allow images to replace scientific research.

For citation: Soboleva T. N., Kukharenskiy A. E. «Mestopolozhenie v obshchestvennoi sisteme» kak parametr analiza obrazov Altaiskogo gornogo okruga, sozdannykh uchenymi i puteshestvennikami v XIX v. ["Location in the social structure" as a parameter for image analysis of the Altai mining district created by scientists and travelers in the XIX century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 94 – 98. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-94-98.

References

1. Brehm A. Puteshestvie po Altaiu (Otryvki iz dnevnika) [Altai Travel (Excerpts from a diary)]. Transl. Malinowski L. V. *Altaiskii sbornik* [Altai collection]. Barnaul, Iss. XV (1992): 97 – 127.
2. Dolzhikov V. A. Sistemno-institutsional'nye istoki korruptsii v altaiskom «kabinetnom» khoziaistve (1830-e – nachalo 1860-kh gg.) [System-institutional sources of corruption in the Altai Cabinet economy (1830s – early 1860s.)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* = *News of Altai State University*, no. 4/1(88) (2015): 104 – 108.
3. Ledebour K. F., Bunge A. A., Meyer K. A. *Puteshestvie po Altaiskim goram i dzhungarskoi Kirgizskoi stepi* [Journey through the Altai mountains and Junggar Kirghiz steppe]. Transl. Zavalishin V. V., Bubenkov Y. P. Novosibirsk: Nauka, 1993, 415.
4. Nebolsin P. I. *Zametki na puti iz Peterburga v Barnaul* [Notes on the way from St. Petersburg to Barnaul]. Saint-Petersburg, 1850.
5. Nebolsin P. I. *Zametki na puti iz Peterburga v Barnaul* [Notes on the way from St. Petersburg to Barnaul]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [Altai in the works of scientists and travelers XVIII – early XX centuries]. Barnaul, 2005, 209 – 226.
6. Semenov-Tyan-Shan P. P. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, 1946, vol. 2.
7. Soboleva T. N., Osipova M. A. Altaiskaia biurokratiia 60-kh – nachala 80-kh gg. XIX v. (Negativnye shtrikhi k portretu kabinetnoi gornozavodskoi administratsii) [Altai bureaucracy 60's – early 80-ies XIX century (Negative touches to the portrait of the mining administration of Cabinet)]. *Naselenie, upravlenie, ekonomika, kul'turnaia zhizn' Sibiri XVII – nachala XX v.* [Population, management, economics, cultural life of Siberia XVII – beginning of XX century]. Barnaul, 2003, 109 – 137.
8. Shchurovsky G. F. *Geologicheskoe puteshestvie po Altaiu* [Geological journey through the Altai]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [Altai in the works of scientists and travelers XVIII – early XX centuries]. Barnaul, 2005, 164 – 206.